

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

№ 7—9 ЮЛЬ—СЕНТЯБРЬ 1918

ОГЛАВЛЕНІЕ

	<i>Стр.</i>
I. Рисунокъ Г. В. Плехановъ въ 70-е г.г.	5
II. Г. Брандесъ. Франсуа де Вольтеръ. Перев. съ рукописи <i>В. Спасской</i>	7
III. В. В. Нарринъ. Война и революція. Дневникъ 1916—17 г.г.	27
IV. Л. Ильинскій. Герцея и III отдѣленіе.	79
V. П. С. Батуринъ. Записки, 1794—97 г.г.	99
VI. А. А. Сидоровъ. Въ Кіевѣ, 1904—1909 г.г.	133
VII. С. Глаголь. Процессъ первой русской террористки.	147
VIII. Изъ переписки московскихъ славянофиловъ. Письма А. П. Кошелева къ И. С. Аксакову. Съ предисл. <i>А. А. Ку-</i> <i>зевентера</i>	163
IX. В. П. Алексѣевъ. Первые Романовы у власти.	185
{ X. Разказы о Романовыхъ въ записи П. П. Бартечева. Сообц. <i>М. А. Цяловскій</i>	223
XI. П. А. Анкерманъ. Въ штабѣ дивизіи.	237
XII. Изъ дневника адъютанта Вильгельма II. (гр. <i>фонъ-Дона-</i> <i>Шлобитена, фонъ-Халиуса</i>).	267
XIII. Мелочи прошлаго. 1) Кн. Г. Тумановъ. Театральные коопера- тивы на Кавказѣ (77). 2) В. Р. Щиглевъ. 4-е августа 1798 г. (146). 3) Отвергнутое усердіе литератора (222).	
XIV. Новыя книги.	328

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ И ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

(Годъ изданія VI)

*Свѣтлой памяти
В. И. Семевскаго*

№ 7—9 Июль—СЕНТЯБРЬ 1918

Процессъ первой русской террористки.

Это было 13 июля 1877 года.

Мы, привлеченные къ такъ называемому дѣлу 193-хъ, уже отсиживали за рѣшоткою кто третій, кто четвертый подъ своего «предварительнаго» заключенія. Кое - кто быть уже въ чахоткѣ, а кое - кого и совсѣмъ не стало.

Сидѣли мы послѣдніе года 1½ въ домѣ предварительнаго заключенія; и, какъ ни усовершенствована была система этого послѣдняго слова тюремной архитектуры, мы, заключенные, все - таки давно успѣли всѣхъ перезнакомиться, постоянно перестуживались и даже переписывались между собою. Чего ради надо было насъ держать по одиночкамъ съ замками на дверяхъ, этого ни мы, да и ни наши тюремщики не понимали. Вскорѣ это и оказалось на томъ, что намъ перестали мѣшать въ совѣстныхъ общихъ прогулкахъ во дворѣ. Добились мы этого, впрочемъ, не безъ усилій и вотъ какимъ способомъ.

Средина тюремнаго двора была занята особою постройкою. Это была цилиндрической заборъ изъ толстой проволоочной сѣтки, раздѣленный по радиусамъ высокими тесовыми перегородками на нѣсколько узкихъ секторовъ. Въ эти треугольные пространства впускали по одиночкѣ заключенныхъ и они могли тамъ «пулять», при чемъ очень напоминали мечущихся въ своихъ клѣткахъ звѣрей зоологическаго сада. Въ центрѣ строенія возвышалась открытая во всѣ стороны площадка съ перилами и отсюда наблюдали за гуляющими очередной надзиратель.

По уговору въ одинъ прекрасный день заключенные, какъ только ихъ впустили каждого въ свой треугольникъ, тотчасъ же направились къ наружной сѣтчатой его стѣнкѣ; по данному сигналу быстро перелѣзли черезъ нее и очутились всѣ въ тюремномъ дворѣ вмѣстѣ другъ съ другомъ. Произвошелъ, конечно, переполохъ. Сбѣжались служителя, и всѣхъ заключенныхъ водворили по камерамъ, а на ихъ мѣсто вывали на прогулку новыхъ заключенныхъ, которые, конечно, продолжали то-же самое. И такъ повторялось съ каждою партією выводимыхъ заключенныхъ и сегодня, и завтра, и въ теченіе нѣсколькихъ дней. Одновременно же съ этимъ мы вызывали къ себѣ въ камеры смотрителя и надзирателей и всячески убѣждали ихъ не мѣшать намъ гулять вмѣстѣ, резонно указы-

вая, что все равно мы и переписываемся и переговариваемся между собою, какъ намъ угодно.

Въ результатѣ черезъ нѣсколько дней администрація махнула на насъ рукою и предоставила намъ гулять не въ загородкахъ, а по двору, и каждой партіи сообща.

Какъ сейчасъ помню это утро. Было часовъ 10 или 11. Служилъ хорошій теплый летній день, и все тюремное населеніе, покарабкавшись не безъ акробатической ловкости на покалые подоконники, размѣстилось по окнамъ, желѣзныя рамы которыхъ мы давно наловчились снимать. Кое-кто черезъ дворъ переступкивался съ сидящимъ на противоположномъ концѣ товарищемъ, большинство же просто глядѣло съ третьяго и четвертаго этажей на дворъ, гдѣ гуляла партія заключенныхъ, въ ихъ числѣ нѣкоторые изъ осужденныхъ уже по дѣлу о демонстраціи у Казанскаго собора и между ними Емельяновъ-Боголюбовъ.

Вдругъ выбѣжалъ во дворъ служитель, торопливо сказалъ что-то другимъ караульнымъ и снова убѣжалъ. По вислицамъ желѣзнымъ балкончикамъ за нашими дверями тоже поднялась бѣготня, и скоро вся тюрьма уже знала, что пріѣхалъ тогдашній пестербургскій градоначальникъ Ф. Ф. Треповъ. Само собою разумѣется, что на окнахъ сейчасъ же появились и тѣ изъ заключенныхъ, которые до этого были чѣмъ-либо заняты въ камерахъ. Въ однообразіи тюремной жизни всякій пріѣздъ начальства былъ для насъ развлеченіемъ.

Треповъ, бравый начинающій полнѣтъ генералъ съ сѣдиною въ баклахъ и нахмуренными бровями, былъ чѣмъ-то недоволенъ и, очевидно, распекалъ на ходу семенившую за нимъ тюремную администрацію. Не могу вспомнить, въ чѣмъ было дѣло, но, кажется, причиною этого недовольства было именно то, что администрація сдѣлала намъ уступку и разрѣшила совмѣстныя прогулки.

Треповъ и сопровождающая его администрація, войдя во дворъ, быстрыми шагами направились, опирая загоны для прогулокъ справа, и тутъ же повстрѣчались съ тремя или четырьмя заключенными, среди которыхъ былъ Боголюбовъ. Всѣ они, какъ и вообще заключенные были въ своемъ платьѣ и, поровнявшись съ Треповымъ, снявъ шапки, поклонились ему. Треповъ не обратилъ на заключенныхъ вниманія, обернулся къ сопровождавшему его завѣдывавшему тюрьмою майору Курнѣеву и что-то гнѣвно ему сказалъ. Что онъ сказалъ, мнѣ не было слышно, но впоследствии выяснилось, что Треповъ сдѣлалъ Курнѣеву замѣчаніе:

Почему подсудимые гуляютъ вмѣстѣ? Развѣ могутъ арестованные по одному и тому же дѣлу гулять совмѣстно?!

Курнѣевъ не нашелся, что отвѣтить, а остановившійся подлѣ Боголюбовъ замѣтилъ, обращаясь къ Трепову: «Я по другому дѣлу».

Тогда взбѣшенный Треповъ заоралъ на Боголюбова:

— Молчать! Не съ тобою говорить.

Узнавъ же отъ Курнѣева, что Боголюбовъ уже осужденный преступникъ, Треповъ добавилъ:

— Въ карцеръ его. И пошелъ дальше.

Растерявшаяся администрація не сразу исполнила приказаніе, а Боголюбовъ съ товарищами тоже пошелъ дальше и волею-неволею, обогнувъ стоявшую внутри двора постройку, на противоположномъ концѣ двора снова встрѣтился съ Треповымъ.

Боголюбовъ шелъ нѣсколько впереди другихъ и, думая, вѣроятно, что второй разъ здороваться съ градоначальникомъ нѣтъ надобности, спокойно прошелъ мимо, какъ вдругъ Треповъ бросился къ оторопѣвшему отъ неожиданности Боголюбову и закричалъ:

— Въ карцеръ! Шапку долой!—и сдѣлалъ движеніе, чтобы сбить съ Боголюбова фуражку.

Боголюбовъ машинально откатнулся, и отъ быстрого движенія шапка свалилась у него съ головы, на большинство же смотрѣвшихъ въ окна заключенныхъ это произвело такое впечатлѣніе, что Треповъ ударилъ Боголюбова по лицу и ударомъ сбилъ съ него картузь.

Что началось вслѣдъ за этимъ, представить себѣ трудно, если вамъ не случалось видѣть тюремныхъ бунтовъ.

Заключенные—люди съ такими издерганными нервами, что отъ малѣйшаго повода впадаютъ въ состояніе буйства и могутъ надѣлать много такого, передъ чѣмъ сами затѣмъ остановаются въ недоумѣніи.

Не успѣлъ Треповъ замахнуться, какъ въ воздухѣ уже спонь стоялъ отъ негодующихъ, бѣшеныхъ криковъ заключенныхъ, и все, что можно было просунуть сквозь рѣшетку: жестяныя кружки, книги и т. п. все это градомъ полетѣло во дворъ въ Трепова.

Треповъ, потрясая кулакомъ, что-то кричалъ въ отвѣтъ, но что, за грохотомъ и криками нельзя было разслышать. Затѣмъ Треповъ ушелъ, быстро увели со двора всѣхъ арестованныхъ, а минуты черезъ три среди двора появился веволнованный Курнѣевъ и замахалъ намъ руками, чтобы мы замолчали и дали ему что-то сказать.

— Ну что вы надѣлали! Изъ-за васъ теперь Боголюбова приказано ексѣчь,—крикнулъ Курнѣевъ среди воцарившейся тишины.

Растерявшійся майоръ думалъ вѣроятно насъ этимъ ошеломить и испугать, но вмѣсто того, конечно, только подлил масла въ огонь и началось уже нѣчто нессвѣтлое. Помню, что я схватилъ тяжелую оксигенную раму и (откуда только взялась сила) принялся дубасить ею въ желѣзную дверь. Для чего я это дѣлалъ, я совершенно не сознавалъ. Просто нужно было дать какой-нибудь выходъ охватившему бѣшенству и хоть физически утомить себя. Если бы не было этой рамы и я не смогъ бы оторвать отъ стѣны желѣзной кровати или стола, я бы, вѣроятно, просто самъ сталъ биться объ полъ и стѣны. То же самое, какъ я узналъ, происходило и въ остальныхъ камерахъ. Затѣмъ къ наиболѣе буйствовавшимъ и въ

томъ числѣ ко мнѣ ворвались обозленные надзиратели, насъ какъ слѣдуетъ вздули и растащили по темнымъ карцерамъ, чѣмъ и закончился шорогъ того, что произошло загѣмъ.

А произошло слѣдующее: Боголюбову дали 25 розогъ, тюрьма нѣсколько дней негодовала, негодованіе это черезъ родныхъ и знакомыхъ, павѣщавшихъ заключенныхъ, перенеслось въ городъ и Петербургъ, близкій либеральнымъ кругамъ, тоже заволновался на нѣкоторое время, причемъ повсюду рассказывалось о происшедшемъ въ тюрьмѣ въ преувеличенномъ видѣ, что Боголюбову дали не 25 розогъ, а сбѣкли его до потери сознанія, что въ тюрьмѣ было цѣлое побоище и т. п. Появились туманные замѣтки въ газетахъ, но загѣмъ все по обыкновенію стало забываться и сошло на нѣтъ, какъ вдругъ 24 января 1878 г. въ приемную градоначальника въ числѣ другихъ просителей явилась неизвѣстная женщина и выстрѣлила въ Трепова, причемъ нанесла ему въ лѣвое бедро серьезную рану.

Личность стрѣлявшей была, конечно, скоро обнаружена. Это была дочь капитана Вѣра Ивановна Засуличъ, объявившая, что она стрѣляла, дабы возмутившій ее поступокъ Трепова съ Боголюбовымъ не остался безнаказаннымъ.

Я въ это время былъ уже выпущенъ изъ тюрьмы на поруки и могу сказать, что впечатлѣніе этого перваго террористическаго акта было въ Петербургѣ необычайно сильно, что крайней мѣрѣ, въ либеральной его части и въ кругахъ, близкихъ молчали.

Я тогда получилъ доступъ въ кружокъ, который собирался у Н. К. Михайловскаго, познакомился съ Лесевичемъ, Цебриковой, Конради и др., и могу сказать, что эти люди были глубоко потрясены выстрѣломъ Засуличъ. Всѣ чувствовали, что этотъ выстрѣлъ кладетъ начало цѣлой новой волнѣ революціонной дѣятельности подпольныхъ партій, и мнѣно надеждъ повсюду возлагалось на эту волну.

Въ мартѣ, когда я былъ уже допущенъ въ медицинскую академію, какъ-то зашелъ къ намъ съ матерью присяжный повѣренный Ольхинъ и передалъ мнѣ просьбу защитника Засуличъ Александрова, не соглашусь ли я выступить въ ея дѣлѣ свидѣтелемъ и по возможности ярко рассказать о томъ, что произошло съ Боголюбовымъ, въ дсмѣ предварительнаго заключенія 13-го іюля. Само собою разумѣется, что я согласился и на 31-е марта вмѣстѣ съ Щиголевымъ и Петропавловскимъ (впослѣдствіи биллетристомъ Каронинымъ) былъ вызванъ въ Петербургскій окружный судъ.

Уже подходя къ зданію суда, я увидѣлъ, что процессъ обѣщаетъ разыграться въ нѣчто необычайное. И у входа, и внизу въ коридорѣ толпилось множество публики, стремившейся какъ-нибудь пробиться въ залъ суда. Наверху коридоры тоже были биткомъ набиты, и публика была далеко не обычная. Много генеральскихъ погоновъ и сановныхъ лицъ, дамъ изъ общества, представители прессы и литературы, артил-

леристы и офицеры генеральнаго штаба, вообще то, что называлось тогда «весь Петербургъ»...

Когда меня вызвали для присяги, я увидѣть залъ, переполненный тою же публичкой, какіе же генеральскіе сюртуки и звѣзды на штатскихъ за судейскими креслами, и какими-то жатыми и невразчными казался среди всего этого скромныя фигурки подсудимой въ черномъ платьѣ и ея защитника Александрова, въ адвокатскомъ фракѣ.

Когда меня вызвали вторично для дачи показанія, я рассказалъ о происшедшемъ въ домѣ предварительнаго заключенія все, что изложено на первыхъ страницахъ этого очерка и, конечно, остался въ залѣ, чтобы дожидаться окончанія дѣла.

Многое уже изгладилось теперь изъ моей памяти, но ярко сохранилось общее впечатлѣніе и отъ рѣчи прокурора, и отъ рѣчи Александрова, и отъ всего послѣдовавшаго.

Прежде же всего, привлекла къ себѣ мое вниманіе сама Засуличъ. Когда, послѣ допроса свидѣтелей, она встала и на вопросъ предсѣдателя начала краткій рассказъ о своей жизни, о томъ, какъ прямо съ ученической скамейки за одно только знакомство съ Нечасвымъ она была арестована, какъ высиждала, не зная за что, два года по тюрьмамъ, какъ мытарилась затѣмъ въ ссылкѣ, симпатіи зала сразу оказались на ея сторонѣ.

Было въ этой скромной дѣвушкѣ, смущенно говорившей о пережитыхъ ею невзгодахъ, что-то трогательно искреннее, и, когда она перешла къ мотивамъ своего покушенія и стала говорить, что не имѣла намѣренія непременно убить Трепова, что просто не могла примириться съ его безнаказаннымъ надвѣвательствомъ надъ беззащитными ирестованными, не понимала общаго молчанія и хотѣла, хотя бы своимъ выстрѣломъ выразить противъ этого молчанія протестъ, залъ сразу ей повѣрилъ и почувствовалъ, что не Засуличъ судить въ этомъ дѣлѣ, а само выродившееся русское общество, не ту, которая сидитъ на скамьѣ подсудимыхъ, а тѣхъ, кто пришелъ въ это судилищѣ, чтобы только присудебствовать на судѣ надъ нею.

И когда всталъ товарищъ прокурора Кессель и въ очень сдержанномъ тонѣ началъ свою обвинительную рѣчь, настроеніе это еще болѣе окрѣпло. Еще опредѣленнѣе почувствовалось, что нельзя далѣе такъ жить, что либо само общество должно проснуться и заявить свой протестъ противъ гнета власти, придавившей въ странѣ жизнь, либо неизбежно за Вѣрою Засуличъ придутъ такіе-же другіе, но уже организованные и гораздо болѣе сильные.

Рѣчь Кесселя сводилась къ доказательству того, что Засуличъ имѣла намѣреніе непременно убить Трепова и что она заслуживаетъ самой строгой кары, такъ какъ присвоила себѣ никѣмъ за ней не признанное право судить представителя власти, осудила его на смерть и затѣмъ сама же привела этотъ приговоръ въ исполненіе. Натянутость этой аргу-

ментации ясно чувствовалась, заль понималъ, что все это взяла на себя Засуличъ только потому, что не сдѣлало этого само общество, но все-таки рѣчь прокурора извѣстное впечатлѣніе произвела, и стало понятнымъ, почему послѣ нея еще ниже поникла головка молоденькой подсудимой.

Поднялся съ своего мѣста присяжный повѣренный Александровъ. Ни въ довольно безцвѣтномъ лицѣ его, ни въ фигурѣ, ни въ голосѣ, ни даже въ тонѣ, которымъ началъ юнгъ ювою рѣчь, не было рѣшительно ничего импонирующаго или даже способнаго обратить на себя вниманіе. Можно сказать, что онъ началъ свою рѣчь даже скорѣе вяло, точно по-неволѣ, *ex officio*. Казалось даже, что онъ подавленъ рѣчью обвинителя и не надѣется отпарировать его удары.

Таково было, однако, только первое впечатлѣніе, но затѣмъ уже всего черезъ нѣсколько минутъ оказалось, что заль съ затаеннымъ волненіемъ слушаетъ оратора. Измѣнился и онъ самъ. Онъ точно сталъ выше ростомъ, и голосъ его сталъ болѣе громкимъ и грознымъ. О чемъ онъ говорить?.. Онъ ничего не опровергаетъ и ничего не оспариваетъ. Онъ просто объясняетъ, какъ и почему у подсудимой естественно должна была и не могла не возникнуть мысль свершить то, что она совершила. Александровъ рисуетъ жизнь Засуличъ за послѣдніе нѣсколько лѣтъ. Онъ говорить обо всемъ, что она должна была перечувствовать и передумать за долгіе годы безвиннаго томленія за рѣшеткою душнаго каземата, за годы неизвѣстно за что послѣдовавшей ссылки, онъ говорилъ о томъ, о чемъ только что такъ просто говорила сама Засуличъ, но, Богъ мой, какииъ длительнымъ впечатлѣніемъ ужасомъ кажется все это сейчасъ!

Не выдерживаетъ напоминаній объ этомъ ужасѣ и сама пережившая его подсудимая. Головка ея упала на сложенные на политирѣ руки и, пряча лицо въ скромканномъ платкѣ, старается дѣвушка заглушить и скрыть свои рыданія, но худенькія вздрагивающія плечи ее выдаютъ. Слышатся всхлипыванія и кое-гдѣ въ залѣ. Я тоже вытираю набѣгающія на глаза слезы, оглядываюсь назадъ на ряды публики и вижу такія же слезы въ глазахъ у многихъ.

Александровъ переводитъ духъ, отпиваетъ глотокъ воды и переходитъ къ душевному состоянію подсудимой послѣ того, какъ она узнала о происшедшемъ въ тюрьмѣ съ Боголюбовымъ. Благодаря отсутствію гласности узнала она обо всемъ въ преувеличенномъ и уонащенномъ разными прикрасами видѣ. Ей рассказали, что безвиннаго Боголюбова не просто высѣкли, а подвергли всякимъ истязаніямъ. Такимъ же истязаніямъ подвергли и другихъ. Кого другихъ? Такихъ же людей съ истерзанною душою, какою еще такъ недавно была сама Засуличъ. Но, вѣдь, это же ужасъ?! Это ужасъ, котораго допускать и терпѣть нельзя. Не можетъ общество далѣе молчать! Оно проснется и скажетъ свое грозное *veto*. Но общество молчало, и вотъ самоотверженная дѣвушка почувствовала, что болѣе молчать не можетъ. Если молчать другіе, то первое слово про-

геста крикнетъ она. Но какъ и гдѣ? И вотъ она рѣшается на свой выстрѣлъ, чтобы ее судили, чтобы на судѣ вскрылась, наконецъ, тайна этого дѣла и устыженное общество сказало свое слово.

— И пусть выйдетъ дѣвушка отсюда даже осужденною, — кончаетъ свою рѣчь Александровъ, — пусть! Все равно она не выйдетъ отсюда опозоренною и все равно то, что толкнуло подсудимую взять револьверъ въ руку, хоть на малую толпу, но сдѣлается менѣе возможнымъ, чѣмъ было до сихъ поръ.

Само собою разумѣется, что я не передаю рѣчи Александрова дословно. У меня нѣтъ подъ руками даже сдѣлавшейся библиографическою рѣдкостью книжечка, изданной «Современникомъ» о процессѣ, и я не помню какъ передана тамъ рѣчь Александрова. Черезъ сорокъ лѣтъ трудно вспомнить чьи-либо слова съ большою точностью. Я передаю рѣчь Александрова такую, какою она мнѣ вспоминается сейчасъ, но думаю все-таки, что передаю ее довольно близко къ дѣйствительности, потому что ярко помню сейчасъ и фигуру Александрова, точно выросшаго на цѣлую голову, и его властный голосъ, прерѣвшій въ залѣ, помню ярко и то, что весь залъ какъ загибнотизированный смотрѣлъ ему въ глаза и жилъ его мыслями и его чувствами. Помню я и Засуличъ, которая и сама не замѣтила, какъ перестала рыдать, и, выпрямившись, сидѣла, впившись глазами въ вдохновенное лицо оратора. Сидѣла, какъ зачарованная тѣмъ, что говорилъ онъ о ея мысляхъ и ея переживаніяхъ.

Наконецъ, Александровъ кончилъ, сѣлъ и нѣсколько секундъ въ воцарившейся тишинѣ слышно было только, какъ тяжело дышитъ взволнованный залъ.

Для меня рѣчь Александрова была не первое изъ адвокатскихъ рѣчей; и все же я былъ взволнованъ ею какъ никогда и никакою другою. Помню, что такое же признаніе слышалъ и отъ многихъ другихъ, бывшихъ тогда въ залѣ суда.

Затѣмъ Засуличъ отказывается отъ своего послѣдняго слова и начинается свое резюме председатель А. О. Кони.

Ярко сохранилось у меня впечатлѣніе и отъ рѣчи этого оратора. Она тогда же поразила меня своею осторожностью и обдуманностью. Это было воистину образцовое председательское резюме. Ни одного лишняго довода, ни на ту, ни на другую чашку вѣсовъ, ни на сторону обвиненія, ни на сторону защиты. Только всестороннее освѣщеніе всѣхъ доводовъ той и другой стороны и юридическаго вѣса этихъ доводовъ. Но затѣмъ, въ самомъ концѣ своей рѣчи Кони точно подсказалъ присяжнымъ, что, даже и признавъ наличность преступленія, они все же могутъ принять во вниманіе все, пережитое подсудимой, понять ея обостренную впечатлительность и въ этомъ найти для нея... снисхожденіе.

Помню, что на меня эти заключительныя слова произвели тягостное впечатлѣніе. Они какъ-то сразу переносили вопросъ въ новую плоскость.

Дѣло шло уже не о трудной для рѣшенія дилеммѣ, не о выборѣ между виновна и невиновна, а о возможности увильнуть отъ этого выбора. Присяжнымъ дѣялся удобный выходъ изъ труднаго положенія, под-сказывался компромиссъ: и винсена, и, какъ-будто, не очень винсена, винсена наполовину, и потому заслуживаетъ снисхожденія. Невольно возникла мысль, что присяжные скажутся нерѣшительными людьми, пойдутъ по этой линіи наименьшаго сопротивленія и процессъ истерять все свое значеніе. Такого же было впечатлѣніе съ рѣшима Кони и у цѣлаго ряда адвокатовъ, которые подошли ко мнѣ въ послѣдовавшемъ перерывѣ и обмѣнивались впечатлѣніями, вынесенными изъ процесса. Съ нѣкоторыми изъ адвокатовъ я уже успѣлъ перезнакомиться за время процесса 193-хъ и послѣ моего освобожденія, съ прочими познакомился тутъ же на судѣ Засуличъ.

Общее впечатлѣніе было далеко не радостное. Почти все мы были увѣрены, что присяжные пойдутъ по пути компромисса и признаютъ Засуличъ виновною, хотя и съ снисхожденіемъ. Такого же было ожиданіе и у прочей публики, какъ мнѣ удалось уловить изъ разговоровъ, возникавшихъ въ разныхъ группахъ. Кое-кто былъ настроенъ болѣе оптимистично и указывалъ на высокій культурный уровень присяжныхъ, среди которыхъ большинство дѣйствительно производило впечатлѣніе интеллигентныхъ людей, но голоса этихъ оптимистовъ вызывали у большинства только осмысленное покачиваніе головою. Общее ожиданіе все-таки сводилось къ тому, что полного оправданія Засуличъ не будетъ.

Ждать, однако, пришлось недолго. Не прошло и десяти минутъ, какъ изъ комнаты присяжныхъ раздавался звонокъ, и публика взволнованно стала занимать свои мѣста.

— Попросите господъ присяжныхъ засѣдателей,—послышался голосъ Кони,—и черезъ минуту изъ комнаты налѣво отъ судей появились ихъ темныя силуэты. Не занимая своихъ мѣстъ, они столпились около угла судейскаго стола и старшина присяжныхъ Лоховъ, выгнувшись впередъ, протянулъ Кони вопросный листъ. Кони среди воцарившейся мертвой тишины молча просмотрѣлъ первую страницу, медленно перевернулъ ее, перейдя глазами вторую и... слышно было какъ залъ удрученно вздохнулъ. У меня тоже болѣзненно запыло сердце. Неужели наши опасенія оправдались, и Засуличъ признана виновною?

Дѣло въ томъ, что на разрѣшеніе присяжныхъ поставлено было три вопроса: первый—о томъ, виновна ли Засуличъ, что съ обдуманнѣмъ намѣреніемъ нанесла Трепову рану, второй—о томъ, что, если она въ этомъ виновна, то имѣла ли при этомъ заранѣе обдуманное намѣреніе лишить Трепова жизни и третій, если она имѣла это послѣднее намѣреніе, то сдѣлала ли для этого все отъ нея зависѣвшее и не причинила смерти лишь по независящимъ отъ нея причинамъ.

Написаны были эти вопросы на двухъ страницахъ писчаго листа и

ясно, что при отрицательномъ отвѣтѣ на первый вопросъ, на остальные не могло быть никакого отвѣта. Оба они при этомъ сами собою уничтожались.

Между тѣмъ, Кони, вѣроятно, машинально перевернулъ страницу и какъ бы искать какого-то отвѣта на послѣдующіе вопросы, заставляя залъ думать, что на первый вопросъ отвѣтъ данъ утвердительный.

И вдругъ, послѣ этого, старшина, принявъ отъ Кони листъ обратно, читаетъ скороговоркою:

— Виновна ли Засуличъ въ томъ, что рѣшившись... нанесла... рану...

И затѣмъ промко и внятно на весь залъ добавляетъ:

— Нѣтъ. Не виновна...

Что послѣдовало за симъ, не знаю, сумѣю ли я описать.

Раздались такіе бурные аплодисменты и поднялся такой гвалтъ, что ничего нельзя было ни слышать, ни разобрать. Одни кричали: «Браво!», «Браво присяжные!», другіе: «Да здравствуетъ судъ присяжныхъ!». третьи кидались другъ друга обнимать и кричали: «Поздравляю, поздравляю!». Мелкіе схватились въ объятія какой-то сѣденькій генералъ и тоже кричали мнѣ что-то, чего я не могъ разобрать. Многие изъ публики перелѣзли черезъ перила, кинулись къ Александрову и Засуличъ и пожимали имъ руки, поздравляя ихъ.

Палрасно звонилъ Кони колокольчикомъ. Поднятая рука его болталась въ воздухѣ, но колокольчика даже не было слышно.

Такъ въ этомъ гвалтѣ судъ и закончился, и никто не слышалъ, какъ Кони объявилъ Засуличъ, что она свободна.

Кое-какъ пропискался я сквозь толпу и достигъ къ выходу. Въ корридорахъ и въ вестибулѣ суда происходило то-же, что и въ залѣ. Тѣ-же привѣтствія, тотъ-же обмѣнъ поздравленій между совершенно незнакомыми другъ съ другомъ людьми. Наконецъ, я нащелъ свои пальцы, выбрался на Литейный и кое-какъ пробился сквозь толпу, ожидавшую рѣшенія дѣла у входныхъ дверей суда. Тутъ опять всюду тѣ-же поздравленія и привѣтствія однихъ другими.

Я повернулъ на Шпалерную и увидалъ, что улица у воротъ дома предварительнаго заключенія запружена огромною толпою. Тутъ были многіе, пришедшіе изъ суда, огромное количество молодежи и просто уличная публика. Въ общемъ было не менѣе тысячи человѣкъ. Толпа держала себя сдержанно, но чувствовались приподнятые нервы. Молодежь перебрасывалась репликами, кое-кто вслухъ шутилъ. Толпа ждала, что вотъ - вотъ откроется калитка и изъ нея покажутся Вѣра Засуличъ.

Однако, прошло болѣе получаса, а калитка оставалась запертою, и никто изъ нея не показывался. Толпа стала переть терпѣнье. Послышались угрозы. Кто-то въ заднихъ рядахъ крикнулъ:

— Господа! Чего мы ждемъ?! Неужели не сумѣемъ вышибить калитку и освободить Засуличъ?!

— Правильно! Вѣрно!—послышалось со всѣхъ сторонъ. Разбирай, братцы, мостовую, да поищемъ на сосѣднихъ дворахъ какихъ нибудь дреколій.

Толпа заволновалась, но кто-то изъ стоявшихъ у воротъ догадался, что сначала лучше послать въ тюрьму парламентаря.

— Стойте, господа! Не надо этого! Надо послать кого-нибудь переговорить съ тюремными властями.

— Ну что же! Можно. Кто же пойдетъ?

И вдругъ всѣ глаза обратились на двухъ адвокатовъ, которые только что подошли изъ суда и стояли тутъ же у воротъ. Они имѣли право входа въ тюрьму къ своимъ подзащитнымъ и потому дѣйствительно разумнѣе всего было обратиться къ нимъ.

— Просимъ, просимъ! Господа! Просите ихъ идти и добиться освобожденія. Что въ самомъ дѣлѣ за безобразіе?! Вѣдь, это незаконно!

Не помню хорошенько кто были адвокаты, постучавшіеся въ калитку. Одинъ изъ нихъ былъ кажется Герардь.

Въ тюремной конторѣ, между тѣмъ, въ смущеніи метался полковникъ Федоровъ, назначенный тогда начальникомъ тюрьмы.

Какъ онъ впоследствии мнѣ рассказывалъ *), онъ не получилъ ни отъ кого никакого опредѣленнаго приказанія относительно Засуличъ.

Въ сумятицѣ, которая произошла въ затѣ засѣданія послѣ оправданія, Засуличъ ушла сама обратно въ тюрьму для того, чтобы собрать свои вещи. Федорову въ судѣ посоветовали не выпускать Засуличъ до полученія письменнаго постановленія суда, но онъ понималъ, что по закону не имѣлъ права ее задерживать. Когда же ему донесли, что толпа собирается разбить ворота, онъ понялъ, что отвѣтственность за все, что можетъ произойти, тоже свалится на него. Главное же, полицейское чутье подсказывало Федорову, что освободить Засуличъ все-таки для него опасно.

Появленіе адвокатовъ разрѣшило, однако, эти сомнѣнья. Адвокаты сумѣли напугать Федорова отвѣтственностью за разгромъ тюрьмы, который могъ произойти, и въ то же время наглядно доказали ему, что формально онъ будешь правъ, выпустивъ оправданную и никакимъ судомъ нельзя будетъ поставить ему это въ вину.

Федоровъ махнулъ рукой и приказалъ передать Засуличъ адвокатамъ. Затремѣли тюремные засовы. Толпа замерла и, какъ только Засуличъ появилась въ просвѣтѣ калитки, всѣ точно съ ума сошли. Раздалось оглушительное, долго не смолкавшее ура, и всѣ стали тѣсниться къ тому мѣсту, гдѣ была Засуличъ.

*) Исторія Засуличъ навлекла на Федорова опалу. Онъ долженъ былъ оставить мѣсто, а затѣмъ я встрѣтилъ его уже на другой службѣ.

— Господа! Поднимите ее на плечи! Покажите Вѣру Иванову въѣмъ! Покажите!

Кто-то подхватилъ Засуличъ, посадилъ ее себѣ на плечо, и фигурка худенькой дѣвушки въ черномъ платьѣ заколыхалась надъ толпою. Снова оглушительное ура и крики:

— Да здравствуетъ Засуличъ! Слава Засуличъ!

Случайно я оказался около Засуличъ и видѣлъ, какъ было ей трудно въ неожиданной позѣ. Толпа напирала, въ давкъ толкали того, кто несъ Засуличъ, и дѣвушка съ испуганными глазами ухватываясь за голову того или другого изъ окружающихъ ее, вскрикивала:

— Господа! Уроните! Упаду. Пустите меня! Пустите!

Но вокругъ была такая тѣснота, что даже и опустить Засуличъ на землю было невозможно.

— Господа! Карету! Скорѣе карету. Ищите карету, — раздалось вскрутъ, и я вмѣстѣ съ бывшимъ сренбургскимъ прокуроромъ Селиванскимъ *) случайно оказавшимся рядомъ со мною, стали протискиваться изъ толпы.

Намъ повезло: хотя Шпалерная была пустыня, но въ соннѣ шагахъ виднѣлась у какого-то дома карета съ дремлющимъ кучеромъ. Когда мы подбѣжали, я увидѣлъ, что карета извозничья. Не давъ растерявшемуся кучеру опомниться, я вскочилъ на козлы, схватилъ возжи и покатилъ къ толпѣ, передъ которою круто повернулъ лошадей. Не прошло и минуты, какъ Засуличъ была уже въ каретѣ, на козлы вмѣсто меня вскочилъ, не помню кто (тоже судившійся по процессу 193-хъ), а въ карету вскочилъ Селиванскій и среди продолжавшихся криковъ толпы карета шагомъ завернула на Воскресенскій проспектъ. Сначала я шагаль у праваго окна, но затѣмъ сталъ отставать. Толпа тоже отставала, порѣдѣла и стала разбредаться по всей улицѣ. Быстро смеркалось, но все-таки на углу Фурштатской я увидалъ, что съ Кирочной на перерѣзъ каретѣ вереницею бѣгутъ, придерживая дѣвою рукою шапки, жандармы.

Увидалъ ихъ и сидѣвшій на козлахъ. Онъ круто повернулъ лошадей направо по Шпалерной. Однако, было уже поздно. Къ каретѣ и лошадамъ подбѣгали жандармы. Все это было шагахъ въ пятидесяти отъ меня. Я бросился поже къ каретѣ, но вдругъ бахнулъ выстрѣлъ, за нимъ другой, толпа отпрянула отъ кареты, и она понеслась въ темноту густѣющихъ сумерекъ.

Кто-то побѣжалъ мнѣ навстрѣчу и за нимъ мелькнула фигура жандарма. Кто-то обогналъ меня и толкнулъ, и вдругъ совѣмъ рядомъ за спиной у меня снова грохнулъ выстрѣлъ.

Я обернулся и увидалъ, что у самого угла Фурштатской и Воскре-

*) Селиванскій хотя и не былъ привлеченъ къ суду по дѣлу 193-хъ, но все же былъ въ немъ замѣнанъ, потерялъ мѣсто и чѣмъ-то занимался въ Петроградѣ.

сенскаго проспекта кто-то лежитъ навзничъ на тротуарѣ и къ нему сбѣгается со всѣхъ сторонъ публика. Я тоже кинулся туда, нагнулся и увидалъ блѣдное лицо... Григорія Сидорацкаго.

Кто стрѣлялъ, застрѣлилъ ли юношу бѣжавшій за нимъ жандармъ, или застрѣтился Сидорацкій самъ, настигнутый жандармомъ, въ котораго онъ стрѣлялъ,—это такъ и осталось, насколько помню, невыясненнымъ. Если не ошибаюсь, то данныя вскрытія дѣлали то и другое одинаково вѣроятнымъ. Да и не все ли это было равно. Фактъ оставался фактомъ. Сидорацкій былъ мертвъ и погибъ, защищая Засуличъ отъ посланныхъ задержать ея карету жандармовъ.

Въ тотъ моментъ, впрочемъ, было не до размышлений. Не успѣвъ я хорошенько разглядѣть убитаго, какъ толпа, заполнявшая Фурштатскую, шарахнулась на Воскресенскій проспектъ мимо меня и едва не сшибла меня съ ногъ, а за толпою я увидалъ летѣвшихъ на нее со стороны Литейшаго конныхъ жандармовъ.

Понимая, что дальше ничего хорошаго не будетъ, я тоже бросился бѣжать по Воскресенскому и черезъ нѣсколько минутъ уже былъ у себя дома, на Захарьевской, гдѣ жилъ послѣ освобожденія съ матерью въ комнатѣ, снимаемой отъ квартирантовъ.

Дома я засталъ на столѣ самоваръ, присяжнаго повѣреннаго Олехина, кое-кого изъ знакомыхъ и рассказалъ имъ о происшедшемъ и о смерти Сидорацкаго.

Мать моя приняла эту смерть очень близко къ сердцу. Молодой человекъ былъ какой-то странный, нелюдимый и неразговорчивый. Мать моя, однако, нашла путь къ душѣ юноши, и онъ частенько бесѣдовалъ съ нею и объ обуревавшихъ его сомнѣніяхъ и о тоскѣ, которая его преслѣдовала. Въ этотъ самый день, въ то время, когда я былъ въ судѣ. Сидорацкій долго сидѣлъ у моей матери, былъ особенно мраченъ и много говорилъ о гложущей его тоскѣ и о томъ, что не стоитъ жить...

Былъ часъ десятый, когда испли разошлись, и я, утомленный впечатлѣніями дня, сталъ уже собираться въ постель, какъ вдругъ въ передней задребезжалъ звонокъ и, постучавшись въ комнату, вошелъ Аркадій Г) (тоже одинъ изъ 193-хъ).

— Послушай,—обратился онъ ко мнѣ.— Я за тобою. Одѣвайся и поѣдемъ къ Засуличъ. Вѣдь, вышла удивительная глупость. Когда карета повернула на Фурштатскую, изъ толпы многіе спрашивали, куда ѣдетъ карета и гдѣ будетъ Засуличъ, а сидѣвшій на козлахъ на всю улицу выкрикивалъ ея адресъ. Жандармы, конечно, это слышатъ, и Засуличъ теперь непременно арестуютъ и снова посадятъ.

— Возможно, но что же тогда дѣлать?

— Надо сейчасъ же передать Засуличъ одному вѣрному человѣку. а онъ ее спрячетъ и сумѣетъ переправить за границу.

— Отлично. Но я тутъ при чемъ?

— Да пойми. Вѣдь, она никого не знаетъ и, если къ ней явится незнакомый человѣкъ, она можетъ ему не повѣрить.

— Ну?

— Ну вотъ ты и долженъ поѣхать съ этимъ человѣкомъ къ Засудичу. Она видѣла тебя на судѣ, когда ты давалъ показанье, знаетъ, кто ты, и тебѣ повѣрить.

Я револьвно вскинулъ глаза на мать и поймалъ ея взглядъ полный тревоги, но я зналъ мать за женщину съ характеромъ и, подойдя къ ней, обнялъ ее и поцѣловалъ:

— Что же дѣлать, мама. Вѣдь, нельзя иначе.

— Конечно нельзя,—отвѣтила она.—Поѣзжай. Только береги себя.

— Знаю,—кивая я ей весело и, накинувъ пальто и фуражку, вышелъ вмѣстѣ съ Г. Мнѣ и въ самомъ дѣлѣ было весело. Я всегда любилъ всякія приключенія, а это было тоже не совсѣмъ обычно.

У Г. меня ждалъ высокій блондинъ съ небольшою бородкою и холодными сѣрыми глазами. Фамилія своей онъ мнѣ не сказалъ и только проговорилъ отрывисто:

— Ёдемъ. Надо спѣшить.—И мы вышли.

Въ дверяхъ Аркадій Г. дотралъ меня и сунулъ мнѣ въ карманъ револьверъ, шепнувъ:

— На всякій случай.

Быстро дошли мы до перваго извозчика и покатали молча лю Загородному, а затѣмъ по Забалканскому проспекту. За всю дорогу мой спутникъ сказалъ мнѣ только слѣдующее:

— Мы войдемъ къ Засудичу и, когда она согласится, вы выйдете и наблюдайте, чтобы никто съ нашимъ извозчикомъ не говорилъ. А когда мы съ нею уѣдемъ, наблюдайте, чтобы насъ никто не преслѣдилъ. Въ случаѣ чего.... Впрочемъ я исполнѣ полагаюсь на васъ.

— Будьте покойны,—отвѣтилъ я, и болѣе ни я, ни мой спутникъ не проронили уже ни слова.

Не могу вспомнить, гдѣ это было, на Забалканскомъ ли или въ какомъ-нибудь выходящемъ на него переулкѣ (кажется якорсе), но скоро мы подъѣхали къ небольшому провинціальному типа бѣленькому двухэтажному домику. Передъ домомъ на другой сторонѣ тянулся дощатый заборъ. Фонари горѣли тускло и не видно было ни души.

Въ окнахъ втораго этажаhalbво былъ свѣтъ, и когда мы поднялись на лѣстницѣ до насъ изъ-за двери донеслось довольно стройное пѣніе молодыхъ голосовъ и звонъ посуды.

Мой спутникъ дернулъ звонокъ. Задребезжалъ колокольчикъ, за дверью все смолкло и раздался тоевожный окликъ:

— Кто тамъ?

— Свои, свои. Друзья. Отпирайте скорѣе.

Я назвалъ свою фамилию и пояснилъ, что Вѣра Ивановна видѣла меня на судѣ.

Дверь отворили, и мы увидѣли три или четыре женскихъ фигуры. Кажется, тутъ былъ кто-то изъ родныхъ Засуличъ.

— Вѣра Ивановна! Вы видѣли меня и на судѣ, и при вашемъ освобожденіи, вы не можете мнѣ не довѣрять. Вѣрьте же и этому господину, собирайтесь какъ можно скорѣе и поѣзжайте съ нимъ. Вѣдь, вась каждую минуту могутъ снова арестовать.

Какъ оно ни наивно, но Засуличъ, очевидно, это не приходило въ голову. Она стояла растерянная, но это продолжалось развѣ только нѣсколько секундъ, а затѣмъ всѣ сразу же заволновались.

— Господа! Какъ это въ самомъ дѣлѣ намъ въ голову не пришло? Конечно, надо собираться и ѣхать, да скорѣе...

Я вышелъ къ извозчику. Здѣсь было попрежнему безлюдно, и минуты двѣ моя тѣнь была единственною на тротуарѣ.

Наконецъ изъ подъѣзда вышли Засуличъ и ея спутникъ. Голова Засуличъ была покрыта платкомъ, а въ рукахъ ея былъ только маленькій саквояжъ.

Они вскочили въ пролетку, извозчикъ тронулъ и я увидѣлъ, какъ бѣлый крупъ его лошади замелькалъ, быстро удаляясь по направленію къ Загородному.

Я оглянулся и къ удивленію своему увидалъ, что по противоположной сторонѣ, быстро шагая, движется въ догонку уѣхавшимъ какая-то неизвѣстно откуда взявшаяся фигурка въ котелкѣ.

Также быстро зашаталъ и я по своей сторонѣ улицы, и черезъ минуту котелокъ былъ всего развѣ на пять шаговъ впереди меня.

Бѣлый крупъ лошади, увозившей Засуличъ, все еще мелькалъ вдали.

— Что сдѣлать? Что сдѣлать?—настойчиво вертѣлся въ головѣ вопросъ и въ то же время нервы пришли въ состояніе такого напряженнаго вниманія, что я и по сей день отчетливо помню и эту неясною тѣнью мелькающую фигурку въ котелкѣ и длинную безлюдную улицу съ удаляющеюся пролеткою и мелькающимъ по временамъ бѣлымъ крупомъ.

Такъ прошли мы скорымъ шагомъ минуты двѣ или три, пока на перекресткѣ показался стоявшій за угломъ извозчикъ. Котелокъ, не торгуясь, вскочилъ въ пролетку и колеса ея задребезжали влѣдъ за извозчикомъ, увозившимъ Засуличъ, а я бросился бѣгомъ за ними по другой сторонѣ улицы, но съ каждой секундой сталъ, конечно, отставать все болѣе и болѣе.

Вдругъ, о радость!—Изъ-за угла выѣзжаетъ, вѣроятно, возвращавшійся домой извозчикъ. Сразмаха искакиваю къ нему въ пролетку, спую ему заготовленную трешницу и, задыхаясь, кричу:

— Еще заплачу.. Только ради Бога за этою пролеткою.

По счастью извозчикъ попался стоворчивый и ударилъ по лошади. Черезъ минуту я уже снова сталъ нагонять котелокъ, а въ головѣ все то же:

— Что сдѣлать? Неужели стрѣлять?

И вдругъ я увидаль, что мы у самой площади, и что справа на перерѣзъ намъ движется вереница ломовыхъ. Извозчикъ, на которомъ ѣхалъ котелокъ, крикнулъ: «Эй, придержи!»—и направилъ свою лошадь въ промежутокъ между однимъ изъ полковъ и слѣдующею лошадью, но я вскочилъ, выдернулъ возжи у своего извозчика, передернулъ его лошадь и, прежде чѣмъ онъ опомнится, направилъ ее такъ, что она опередила пролетку котелка и налетѣла на лошадь ломовика, лошадь же котелка отъ толчка сразмаха налетѣла на переднія колеса полка...

Что затѣмъ произошло, я не знаю. Кажется, извозчикъ котелка стегалъ съ козелъ. Я же однимъ скачкомъ спрыгнулъ съ пролетки, обѣжалъ ломовиковъ и, какъ ни въ чемъ ни бывало, спокойно зашагалъ въ темнотѣ влѣво.

Тѣмъ временемъ, однако, я успѣлъ все-таки осмотрѣться и убѣдиться, что бѣлаго крупа уже нигдѣ не видать. Очевидно, извозчикъ, увозившій Засуличъ или свернулъ куда-либо, или успѣлъ уѣхать далеко.

Тамъ, гдѣ произошло столкновение съ ломовиками, слышалась ружань и происходила какая-то возня, но какъ совершенно всему этому посторонній, я пошелъ дальше и только, чтобы измѣнить свой видъ, надриннулъ фуражку на уши, поднялъ воротникъ пальто и сгорбился....

Незнакомецъ, увезшій Засуличъ, и переправившій ее за границу, былъ, какъ оказалось впоследствии, не кто иной, какъ извѣстный уже тогда Левъ Тихоміровъ. Такова иронія судьбы.

Увезли мы Засуличъ какъ разъ во время, потому что черезъ полчаса послѣ насъ за нею пріѣхали жандармы, но она была уже хорошо спрятана, а затѣмъ и переправлена за границу.

Я же рѣшилъ, что исторія съ увозомъ Засуличъ да и вообще съ моимъ участіемъ въ ея процессѣ для меня закончена, но шалуныѣ Ананке угодно было все-таки воздать мнѣ за все это и уже совершенно неожиданно.

Похороны Сидорацкаго рѣшено было обратить въ демонстрацію, а когда это не удалось, то во Владимірскомъ соборѣ рѣшено было 1 апрѣля отслужить торжественную панихиду. На площадь должны были собраться всѣ сочувствующіе, и предполагалось, что ихъ соберется до десяти тысячъ человѣкъ.

Собрался на панихиду, конечно, и я, но вдругъ наканунѣ мнѣ подають повѣстку, которою меня вызываютъ въ III-е отдѣленіе къ 10 или 11 часамъ, т.-е. какъ разъ въ часы панихиды.

Дѣлать нечего, пошелъ. Оказывается, я долженъ дать показанія обо

всемъ, что происходило на моихъ глазахъ при освобожденіи Засулчъ изъ тюрьмы и при попыткѣ задержать ея карету на Фуригтатской.

Написалъ, разумѣется, все, что было надо, сдѣлалъ жандармскому офицеру и полетѣлъ на Владимірскую, но увы! На Литейномъ вижю, что на встрѣчу мнѣ толпами идутъ возвращающіеся съ панихиды. Среди нихъ скоро попались знакомые и, ничто же сумнящаяся, я увелъ ихъ къ себѣ пить чай.

Черезъ нѣсколько дней совершенно неожиданно я былъ снова арестованъ и отправленъ въ Пинету, въ Архангельскую губернію.

Какъ? За что? Ни я, ни мать моя долго не могли добиться толку, и лишь черезъ годъ матери удалось какъ-то узнать, что мнѣ вмѣнялось въ вину произнесеніе съ палерги Владимірскаго собора рѣчи послѣ панихиды по Григоріи Сидорацкомъ.

На самомъ дѣлѣ ее произнесъ Плехановъ, но кому - то изъ шпиговъ, вѣроятно, сказали, что это я, а онъ такъ и донесъ.

Соль, впрочемъ, не въ этомъ, а въ томъ, что узнавъ, какое дѣяніе мнѣ вмѣняется въ вину я обратился, конечно, къ тогдашнему шефу жандармовъ Дрентельну. Я не просилъ ни снисхожденія, ни какой-либо къ себѣ милости, но лишь самаго простаго разбора моего дѣла, причемъ мое alibi въ моментъ свершенія другимъ лицомъ инкриминируемаго мнѣ преступленія ясно должно было выясниться изъ документовъ собственной канцеляріи III-го отдѣленія.

Отвѣтъ на это послѣдовалъ, однако, такой: Предлагаю объявить имя реку, что по проверкѣ всѣхъ сдѣланныхъ имъ указаній, онѣ оказались правильными, а потому просьба имя река о возвращеніи его изъ ссылки подлежить удовлетворенію, но по обстоятельствамъ даннаго времени (начались террористическіе акты) я тѣмъ не менѣе исполнить ея не могу *). (!)

И кто знаетъ, какъ сложилась бы моя дальнѣйшая судьба, если бы не пришла мнѣ на помощь военная служба и если бы затѣмъ простой ротный командиръ не сдѣлалъ то, чего «не могъ» сдѣлать самъ шефъ жандармовъ, но объ этомъ какъ-нибудь уже въ одномъ изъ слѣдующихъ отрывковъ моихъ воспоминаній.

Сергій Глаголь.

*) Къ сожалѣнію этотъ пергъ канцелярской отписки милою затерянъ и я воспроизвожу его по памяти, во всякомъ, что смыслъ его передаю вѣрно.